

С. М. Бадиева

БОРЬБА МЕЖДУ АССИРИЕЙ И УРАТУ ЗА СИРИЮ

В начале первого тысячелетия до н. э. страны Средиземноморского побережья, Сирии и Месопотамии вступили в полосу нового экономического и политического подъема, внешним проявлением которого явилось резкое увеличение политического веса Ассирии и экономического значения марионетских городов. Этно-политическая карта Сирии и юго-восточной Малой Азии отличалась в этот период большой пестротой. Волна кочевых семитов-арамеев докатилась в начале первого тысячелетия и до северной Сирии. В X в. до н. э. в руки арамейцев перешла область Арпада, известная впоследствии под арамейским названием Бит-Агуси. Другим спорным пунктом арамейцев в северной Сирии было государство Я'уди, по-арамейски Сам'ал, у гор Амана, со столицей на месте современного селения Зенджирли, основанной, очевидно, также в X в. до н. э.¹ На юге Сирии и на верхнем Оронте арамеи окончательно закрепились к концу XI в.; по свидетельству Библии, основными арамейскими княжествами в этих областях были Арам-Цоба, Бет-Рехоб, Ма'ака, Гешур и Дамаск². Остальная территория северной Сирии и юго-восточной Малой Азии представляла собой, по выражению акад. П. К. Коковцова, море хеттских государств³, где арамейские центры были лишь отдельными островками, значение которых в политической и культурной жизни северной Сирии вплоть до VIII в. до н. э. было не очень велико⁴.

Археологические работы последних десятилетий, дешифровка хеттских иероглифических надписей и изучение ранне-арамейской эпиграфики позволяют констатировать, что после падения Хаттуса в XII в. до н. э. начинается период расцвета и роста мелких городских центров, некогда периферийных провинций Хеттской державы. Особенно ярко говорят об этом раскопки Каркемиша и Зенджирли, выявившие на городищах

¹ В. Landsberger, Sam'al, Ankara, 1948, стр. 37—38.

² A. Dupont-Sommer, Les Araméens, P., 1949, стр. 25. Там же указано точное географическое положение перечисленных государств.

³ Табал (Бит-Буруташ), Камману (Мелид), Гургум (Маркаси, Бит-Па'алла), Куммух, Па'дийа (Я'уди, Сам'ал, Бит-Габбар), Куэ, Хаттина (Унку), Яхан (Арпад, Бит-Агуси), Лухути (Хатарика, Халман), Хамат, Каркемиш (В. Landsberger, ук. соч., стр. 19—23). Отождествление Камману с Мелидом, так же как и Хаттины с Унку, не вполне бесспорно.

⁴ П. К. Коковцов, ЗВО, т. XII, стр. 285. Ср. карту распространения хеттской иероглифики у J. Gelb, Hittite Hieroglyphic Monuments, Chicago, 1939; об этническом синкретизме в Сирии и приевфратских областях см. W. F. Albright, An Aramaean Magical Text in Hebrew from the Seventh Century B. C., BASOR, № 79 (1939), стр. 5—11; H. Ingholt, Rapport préliminaire sur sept campagnes de fouilles à Namat en Syrie, Copenhagen, 1940, стр. 81; Б. Грозный, О хеттских иероглифах на стелах Тель-Ахмара, ВДИ, 1937, № 1, стр. 24—32.

мощные слои X — VII вв.¹ Уже к середине II тысячелетия площадь Каркемиша достигала 98 га². В начале первого тысячелетия Каркемиш опоясывается третьим, а Зенджирили вторым кольцом городских укреплений³,

что указывает на рост этих городов. Именно к этому периоду относится расцвет так называемого сиро-хеттского искусства, особенно ярко выступающий в развитии архитектуры, монументальной скульптуры и глиптики⁴.

Одновременно археологически документируется широкое распространение железа, заставившее Вулли в его периодизации развития Каркемиша выделить это обстоятельство в качестве характернейшей черты последнего периода истории города (XII — VI вв. до н. э.)⁵. Упоминания

¹ G. Contenau, Manuel d'Archéologie Orientale, т. III, P., 1931, стр. 1123—1124, 1142.

² Г. Чайлд, Прогресс и археология, М., 1949, стр. 96. Как указывает Чайлд, размеры Микен той же эпохи не превышали 4,8 га, Мегиддо — 1,4 га, Гурнии на Брите — 2,5 га.

³ G. Contenau, ук. соч., т. III, стр. 1123, 1142.

⁴ G. Contenau, La glyptique syro-hittite, P., 1922; он же, Les cylindres syro-hittites, RA, XIV (1917), № 2, стр. 61—74; он же, Manuel..., т. III, стр. 1161 сл.

⁵ P. G. Hogarth a. C. L. Woolley, Carchemisch, т. II, L., 1921, стр. 38.

железа в переднеазиатской письменности встречаются задолго до интересующего нас времени — они содержатся в переписке Тушратты митаннийского с Суппилулиумой (XIV в.) и Хаттусиля с Рамсесом II (XIII в.)¹, однако для их времени железо — еще редкость, почти драгоценный металл. Широкое употребление железа, железный век Средиземноморского Востока, наступает позднее. Потье² и Чайлд³ датируют его XII в. Хогарт — концом XI в.⁴ Наиболее обоснованно мнение Контено, считающего, что «промышленное применение железа в Передней Азии относится к IX—VIII вв.»⁵ Именно с этого времени в ассирийских источниках довольно часто начинают упоминаться железные орудия: так, в ашшалах Ашшурнасирапала (833—859) упомянуты железные топоры саперов его армии⁶. Цитируемые ниже данные ассирийских источников заставляют полагать, что уже в X в. существовала значительная торговля железом.

Первые указания на значительную добычу железа содержатся в документах богазкейского архива, указывающих на большие склады железа в области Кицватна (Катаония, область гор Тавра). Хеттское царство было фактически монополистом добычи железной руды. С крушением хеттской державы малоазийское железо начинает появляться в более южных областях.

В анналах Саргона II, среди отрывков, относящихся к Сирии и Каппадокии (Камману), имеются интересные данные, сообщающие о добыче железа в горах страны Lam-mun (ARAB, II, стр. 12); Ландсбергер и Олбрайт идентифицируют эти горы с хребтом Аман (современный Гявур-даг), расположенным на границе юго-восточной Малой Азии и северной Сирии⁷. Сведения о добыче и вывозе железа из Малой Азии (собственно из Каппадокии, Киликии и Куэ) содержатся и в нововавилонских документах⁸. Тексты Набопаласара, Навуходонсора, Набонида сообщают о вывозе железа из страны Ну-ше-е (Куэ)⁹. Подробный анализ главным образом этих документов и некоторых археологических данных позволил ряду исследователей¹⁰ прийти к следующим выводам. Железо, потреблявшееся на Перелнем Востоке в первой половине I тысячелетия до н. э., добывалось в основном в Каппадокии, Коммагене и Киликии¹¹. Все это железо попадало в страны Переднего Востока через посредство северо-сирийских

¹ J. Garstang, *The Land of the Hittites*, 1910, стр. 295; J. Knudtzon, *Die El-Amarna-Tafeln*, L., 1909—1912, I, 38; II, 1, 3, 16.

² G. Contenu, *Manuel...*, т. II, стр. 996.

³ Г. Чайлд, *ук. соч.*, стр. 76—77.

⁴ G. Contenu, *Manuel...*, т. II, стр. 996.

⁵ G. Contenu, *Manuel...*, т. II, стр. 996—997; также у R. J. Forbes, *Metallurgy in Antiquity*, Leiden, 1950, стр. 418—419.

⁶ АКА, стр. 254 сл., анн., II, 86.

⁷ W. F. Albright, *Cilicia and Babylonia under the Chaldaean Kings*, BASOR, № 120 (1950), стр. 24 (здесь же приведено мнение Ландсбергера).

⁸ S. Langdon, *Die neubabylonischen Königsinschriften*, L., 1912, стр. 284; A. Tremayne, *Records from Erech, Time of Nabonidus*, YOS, VI, № 210; E. F. Weidner, *Mélanges Syriens offerts à R. Dussaud*, т. II, P., 1939, стр. 923—935.

⁹ Сводку разночтений названия страны Куэ см. W. F. Albright, *ук. соч.*, стр. 22.

¹⁰ W. F. Albright, *Ninib-Ninurta*, JAOS, т. 38 (1918), стр. 199—201; он же, *Cilicia...*, стр. 24—25 (здесь же приведено мнение А. П. Оппенгейма); V. G. Child, *The Most Ancient East*, L., 1934, стр. 114, 118, 189; R. J. Forbes, *ук. соч.*, стр. 382—385. Специально этому вопросу посвящена также работа St. Przeworski, *Die Metallindustrie Anatoliens in der Zeit von 1500 bis 700 v. Chr.*, Leiden, 1939, оставшаяся недоступной автору настоящей статьи; A. Goetze, *Kizzuwatna and the Problem of Hittite Geography*, New Haven, 1940, стр. 22—23.

¹¹ См. также P. L. In., XXXIV, 14, 39; S. T. R. A. B. O., X, III, 22; XII, 3, 19; XIII, 4, 17; X e. n., *Anab.*, V, 1, 5. О добыче железа близ Каркемиша см. R. J. Forbes, *ук. соч.*, стр. 382. Вопрос о добыче и экспорте урартского железа будет рассмотрен ниже. О местной металлургии Сирии см. F. Petrie, *Gerar*, L., 1928, стр. 115.

городов. Добыча и вывоз железа носили не спорадический, а регулярный характер.

В свете указанных выводов особый интерес представляют сведения ассирийских анналов IX—VIII вв. о значительных количествах железа, захваченных или полученных в качестве дани в северо-сирийских, малоазиатских и верхне-месопотамских городах¹. Так, надпись Ашшурнасирапала сообщает о 250 талантах (т. е. семи с половиной тоннах) железа, полученных в стране Хатти (Каркемиш), и о значительных количествах железа, полученных в Хаттине и Бит-Халупе. О захвате и получении железа в Каркемише, Я'уди, Хаттине, Куэ сообщают надписи Салманасара III². Большое количество этого металла захватил Тиглатпаласар III в Куммухе (Коммагене), Куэ, Гургуме, Каркемише³. Не все перечисленные области имели собственные места добычи железа, и это позволяет утверждать, что в IX—VIII вв., а возможно, уже и в X в. северо-сирийские и верхне-месопотамские государства держали в своих руках транзитную торговлю железом на Переднем Востоке. Железо было, конечно, далеко не единственным предметом торговли этих городов. Вывозилось также каппадокийское серебро, сыгравшее столь серьезную роль в судьбах древнейшей Ассирии⁴, медь и свинец из Табала⁵, ценные древесные породы, прежде всего кедр⁶, киликийские лошади из Куэ (I Sam., X, 28). Велась и транзитная торговля золотом. Учитывая, однако, начавшееся широчайшее распространение железа в странах Передней Азии в начале первого тысячелетия⁷, можно считать, что монополия торговля железом, если не по размерам, то по значению была наиболее важной в транзите северо-сирийских городов.

В древности торговая прибыль была чрезвычайно высока. «Пока торговый капитал играет роль посредника при обмене продуктов неразвитых стран, торговая прибыль не только представляется результатом обсчета и обмана, но по большей части и действительно из них происходит. Помимо того, что торговый капитал живет за счет разницы между ценами производства различных стран...», при рабовладельческом и феодальном способах производства «...купеческий капитал присваивает себе подавляющую долю прибавочного продукта, — отчасти в качестве посредника между обществами, производство которых в основном еще направлено на потребительную стоимость и для экономической организации которых продажа части продуктов, вообще поступающей в обращение, следовательно вообще продажа продуктов по их стоимости имеет второстепенное значение; отчасти потому, что при указанных прежних способах производства главные владельцы прибавочного продукта, с которыми имеет дело купец, — рабовладелец, феодальный сеньор, государство (напр. восточный деспот), — являются представителями потребляющего богатства, которому расставляет сети купец...»⁸. Торговля на Переднем Востоке находилась в руках высших должностных лиц городских и государственных центров,

¹ Подбор данных заимствован из неопубликованного доклада Н. Б. Янковской, которой автор приносит благодарность за разрешение его использовать.

² E. Schräder, KB I, стр. 144, 146, 162.

³ P. Rost, Die Keilschrifttexte Tiglat-Pileasers III, Lpz, 1893, стр. 14.

⁴ V. Landsberger, Assyrische Handelskolonien in Kleinasien aus dem III Jahrtausend, «Der AO», XXIV (1925), 4; И. М. Дьяконов, РЗОА, стр. 11, 17; акад. В. В. Струве, История древнего Востока, 1941, стр. 229—240.

⁵ См., например, Ez., XXVII, 13; о богатстве Тавра свинном говорят таблички из Каркемиша (W. Andrae, Hethitische Inschriften auf Bleistreifen aus Assur, WDOG, 46, L., 1924).

⁶ P. Rost, ук. соч., стр. 20.

⁷ Г. Чайлд, Прогресс и археология, стр. 77.

⁸ К. Маркс, Капитал, т. III, 1949, стр. 342—343.

являясь в условиях Сирии, Финикии и некоторых других областей основным источником доходов государственной казны¹. О колоссальных прибылях, которые получали от транзитной торговли царьки даже незначительных сирийских городов, можно судить по спискам дани, которую выплачивали эти царьки ассирийским монархам. Так, например, Салманасар III получил в качестве дани: от Сангары каркемишского — 3 таланта золота, 70 талантов серебра, 30 талантов меди, 100 талантов железа и многочисленные изделия из драгоценных металлов и меди; от Хайи, сына Габбара, правителя Сам'ала — 10 талантов серебра, 90 талантов меди, 30 талантов железа; от Хаттины — 3 таланта золота, 100 талантов серебра, 300 талантов меди, 300 талантов железа².

Интересы транзитной торговли являлись жизненно важными интересами аристократическо-купеческой верхушки этих государств и часто определяли политическую линию их правителей. Указанное положение особенно применимо к тем городам, которые явились фактическими организаторами крупной караванной торговли, к городам, в которых непосредственно начинались или скрещивались основные торговые трассы и которые концентрировали часто экспорт целых областей. Такие города были прежде всего заинтересованы в создании на торговых путях крупных политических объединений, связанных общими экономическими интересами и единой внешнеполитической ориентацией. В этом плане необходимо отметить громадное значение, которое имели в первой половине I тысячелетия до н. э. два важнейших центра, две ключевые позиции караванной торговли стран Средиземноморского побережья и Месопотамии — Дамаск и Каркемиш. Роль Дамаска (X — VIII вв.), как крупнейшего организатора караванной торговли между Месопотамией, Египтом и городами Финикии и Палестины, хорошо известна. В результате исследований последних лет гораздо более четко стало вырисовываться и политическое положение Каркемиша.

Судя по интерпретации, которую дает хеттским иероглифическим надписям на свинцовых табличках Б. Грозный, в Каркемише существовало несколько торговых компаний, ведших обширную торговлю по Евфрату³. Близкие по времени иероглифические надписи показывают, что многие области восточной части Малой Азии, в том числе восточной Каппадокии, были связаны с Каркемишем не только экономическими связями, но и политической зависимостью⁴. Таким образом, Каркемиш стоял во главе малоазийско-месопотамской торговли. Известно то серьезное значение, которое с древнейших времен имел малоазийский экспорт для Ассирии и в особенности для Вавилонии, совершенно лишенной металлов и дерева. Это значение в немалой степени возросло с широким распространением в Ассирии железа, превратившегося в основное сырье для производства наступательного оружия. Поэтому роль Каркемиша как посредника между Малой Азией и Месопотамией была исключительно велика. Об этом, в частности, ярко свидетельствует распространение в Ассирии в качестве основной меры веса (а может быть, и в качестве денежной единицы⁵) каркемишской мины — факт, достаточно убедительно говорящий сам за себя. Повидимому, именно этой своей роли Каркемиш обязан сохранением самостоятельности вплоть до 717 г. до н. э., когда вся южная Сирия была уже по-

¹ См. В. В. Струве, История древнего Востока, М., 1941, стр. 268.

² ARAB, I, стр. 217. Талант ~ 30 кг.

³ В. Грозный, Les inscriptions hittites hiéroglyphiques sur plomb trouvées à Assur, Ar. Or., V (1933), № 2—3, стр. 208—242.

⁴ О н же, Inscriptions hittites hiéroglyphiques de Carchemish, Ar. Or., VI (1934), № 1, стр. 234—242.

⁵ В. В. Струве, История древнего Востока, М., 1934, стр. 97; С. Н. У. Джонс, Assyrian Deeds and Documents, Cambridge, 1901, стр. 264.

корева ассирийцами. На тесную связь с Ассирией указывает и ассирийское влияние в каркемишском искусстве ¹.

Вопрос о внутреннем положении государств северной Сирии весьма слабо освещен данными исторических источников. Наибольший интерес, с точки зрения характеристики внутреннего развития и социально-экономических отношений в государствах северной Сирии во второй половине IX в., в период их наибольшего расцвета, представляют для нас, помимо беглых указаний Библии, письменные памятники правителей двух государств интересующего нас круга — Киламувы, царя Сам'ала (вторая половина IX в.) и его современника Азитавадды, царя дануниитов ².

Надпись Киламувы ³ показывает, что в государстве Сам'ал было главным образом развито скотоводство и отчасти земледелие. Возможно, что обладание большим или меньшим количеством скота лежало и в основе социального неравенства общества, о чем говорит, например, наделение «мушкабов» прежде всего скотом ⁴.

О низком уровне экономического развития стран северной Сирии и Малой Азии свидетельствует также и текст злейшего врага Киламувы, царя дануниитов Азитавадды (II, 15—18 и III, 7 — 11).

Земледельческий и оседло-скотоводческий характер городских оазисов северной Сирии, весьма архаичный, повидимому, тип социальных отношений внутри городов представляют резкое противоречие с блеском сокровищниц царских дворцов сирийских государей. Золото и серебро их дворцов, все их богатства были обязаны своим происхождением не развитию производительных сил и производственных отношений внутри этих государств, но только транзитной торговле, в которой масса свободного населения не участвовала. Чрезвычайно характерно, что именно в этих маленьких государствах северной Сирии, с их крайне архаичным экономическим строем, впервые появляются предшественники монетного чекана — серебряные слитки, удостоверенные именем царя (Бар-Рекба — Сам'ал, VIII в. до н. э.). Что касается транзитной торговли, то не следует упускать из виду, что ее размах и самый ее характер зависели в конечном счете от нужд ведущих земледельческих обществ Востока. Говоря о финикийцах, Маркс пишет: «Чистота (абстрактная определенность), с которой в древнем мире выступают торговые народы — финикийцы, карфагеняне, — дана как раз самим преобладанием земледельческих народов» ⁵. Это в полной мере относится к северо-сирийским горо-

¹ G. Contenau, Manuel..., т. III, стр. 1161 сл.

² См. И. Н. Винников, Новые финикийские надписи из Киликии, ВДИ, 1950, № 3, стр. 86 сл.

³ M. Lidzbarski, Ephemeris für Semitische Epigraphik, т. III, Giessen, 1912, стр. 248 сл.

⁴ Надпись Киламувы упоминает две категории населения MŠKB и B'RR. «Мушкаб», букв. «положенный», по самому распространенному толкованию обозначает оседлое, т. е. местное, хеттское, население страны. Ср., например, M. Lidzbarski, ук. соч., стр. 235. Но более убедительным представляется мнение Ландсбергера, Sam'al, стр. 55, который считает, что в буквальном значении слова MŠKB «положенный» кроется социальное значение термина. Ср. также muškēnum кодекса Хаммураби, букв. «склоняющийся»; термин B'RR обычно сравнивают со средневековым сирийским ba'gīr, букв. «дикий», «некультурный», и толкуют как термин, обозначающий кочевое «арамейское» население страны. Но слово B'RR в семитских языках имеет значение «скот», и, таким образом, указанные значения сирийского термина Ba'gīr могут быть переносными. Интересно сопоставить форму B'RR с известной в арамейском языке формой ga'pan, обозначающей (при значении корня R'N «зелень») «богатый зеленью», в переносном смысле — «счастливый», «цветущий». Может быть, можно было бы и форму *ba'gar понять, как «богатый скотом»?

⁵ К. Маркс, К критике политической экономии, 1951, стр. 222.

пгравшим в сухопутной торговле IX—VIII вв. до н. э. ту же роль, которую играли финикийские города в торговле морской.

В заботе царя Сам'ала Киламувы о благосостоянии «мушкабов» можно видеть стремление царской власти найти социальную опору против племенной аристократии. Такого расширения своей социальной базы царям Сам'ала было не трудно добиться, так как транзитная торговля приносила им огромные доходы.

В специальной литературе неоднократно отмечалась характерная черта войн ассирийских царей на западе: их противники в подавляющем большинстве случаев выступали в составе определенных коалиций, иногда весьма стабильных. Так, уже Дорм подметил, что в анналах Салманасара III постоянно упоминаются «12 царей», выступающих как основная анти-ассирийская коалиция¹. Ландсбергер, анализируя политико-географическое содержание термина «страна Хатти» для IX в., пришел к выводу, что этот термин обозначал совокупность государств, в которую входили: Каркемиш, Тиль-Барсиб, Арпад, Сам'ал, Хаттина, Гургум и Мелид; применение названия «Хатти» для обозначения Каркемиша было возможно, по мнению Ландсбергера, потому, что «он был гегемоном над упомянутыми государствами»².

Не вызывает сомнений и политическая роль Дамаска, как гегемона военнополитической коалиции государств южной Сирии³; часто неправильно именуемой «Дамасским царством». Правильно указывая на существование этих коалиций, буржуазные ученые тенденциозно исходили в объяснении внутренних причин создания коалиций главным образом из этнического признака, из деления Сирии на арамейский и хеттский мир; однако анализ исторических источников приводит к иным выводам⁴.

Из надписи Салманасара III на монолите из Карха (древний Тушхан), посвященной главным образом походу в Сирию в 853 г.⁵, видно, что в Сирии существовали две коалиции государств, политика которых в отношении Ассирии была в тот момент совершенно различна; что в состав первой коалиции входили Каркемиш, Куммух, Бит-Агуси (Арпад), Мелид, Бит-Габбар (Сам'ал), Хаттина, Гургум. Вторая коалиция состояла из Дамаска, Хамата, Паранля, Куэ, Мусру⁶, Арки, Арвада, Усаны, Шианы⁷, арабов, Аммон⁸; что каждая из этих коалиций была спаяна общей внешнеполитической ориентацией, единством военно-политических действий; что на первом месте в перечне обеих группировок названы наиболее богатые и могущественные их члены — Каркемиш и Дамаск.

Обе коалиции не были коалициями только 853 г.; примерно в том же

¹ P. D o r m e, Les pays bibliques et l'Assyrie, «Revue biblique», 1910—1911, стр. 11.

² В. L a n d s b e r g e r, Sam'al, стр. 32. См. также G. C o n t e n a u, Manuel..., III, стр. 1123.

³ См., например, A. D u r o n t - S o m m e r, Les Araméens, стр. 27, 34.

⁴ В X—VIII вв. арамеи составляли, видимо, сравнительно тонкий слой населения как на севере, так и на юге Сирии, что видно из хеттских иероглифических надписей, составленных от имени царей Каркемиша, Хамата и др.

⁵ E. S c h r a d e r, KB I, стр. 150 сл.; J. H. R a w l i n s o n, Cuneiform Inscriptions of Western Asia, т. III, L., 1861, стр. 7—8.

⁶ Под «Мусру» предлагают понимать Египет; ряд исследователей полагает, что эту страну следует локализовать в Каппадокии. См. A. D u r o n t - S o m m e r, Les Araméens, стр. 58.

⁷ Арка, Усана и Шиана — на финикийском побережье между Арвалом и Смиррой. См. P. D o r m e, ук. соч., стр. 13.

⁸ Аммон локализуется в Трансйордании, к северу от Моаба; арабы жили, очевидно, в районе караванного пути между Дамаском и Хаматом, см. A. S p r e n g e r, Die Post- und Reiserouten des Orients, L., 1864, стр. 92 сл.

составе (иногда называются только основные участники) они фигурируют в ассирийских источниках на протяжении всего IX в. ¹

После упорной трехлетней борьбы (858—856) с северной коалицией, выступившей единым фронтом на поддержку Бит-Адини — наиболее восточного члена коалиции, первым подвергнувшегося ассирийскому вторжению, — в 853 г. Салманасар III выступил в поход и против «союза двенадцати» (ARAB, стр. 217). Интересно, что члены дамаской коалиции не оказали помощи северо-сирийским городам, а в 853 г., наоборот, северная коалиция не примкнула к «союзу двенадцати», который все же сумел нанести Салманасару серьезное поражение. Последовавшие затем в 849, 848 и 845 гг. походы ассирийского царя против «12-ти царей» во главе с Хадад-эзером Дамаском были столь же безуспешны. Лишь воспользовавшись внутрикоалиционной борьбой между Дамаском и Хаматом, Салманасару удалось в 841 г. заставить Дамаск заплатить ему дань.

Стабильность коалиций, объединение вокруг важнейших центров транзитной торговли, традиционное единство внешнеполитических действий входивших в них членов говорят о существовании обоих союзов задолго до появления их в летописях ассирийских царей, а расположение их по значительнейшим торговым трассам — из Малой Азии через Финикию и Дамаск в Палестину и Египет, и из Малой Азии через Каркемиш в страны Месопотамии — свидетельствуют о сущности обоих союзов ².

Интересы транзитной торговли, составившей важнейший источник доходов сирийской аристократии, толкали мелкие сирийские государства на союз друг с другом, но отсутствие внутренних экономических связей, потребляющий характер их собственного производства делал, повидимому, невозможным прочное политическое их объединение ³.

В X—IX вв. до н. э. преобладание дамаской коалиции в политической жизни Сирии несомненно; гегемония Хадад-эзера (конец XI — начало X в.) простиралась от Иордана до Евфрата; можно предположить, что он вел наступательную политику по отношению к Ассирии ⁴. Но междоусобные войны внутри союза и ассирийский погром 841 г. в значительной мере подорвали силы Дамаска. В то же время непрекращающиеся ассирийские походы в Сирию, которые вели к уничтожению сирийских городов и физическому истреблению их населения, вынуждали сирийские государства к известному объединению. И когда в самом конце IX в. власть в Хамате захватил ассирийский ставленник Закир, против него под руководством Бен-Хадада дамаского выступили члены обеих коалиций: цари Куэ, Хаттины, Гургума, Мелида, Сам'ала, Бит-Агуси и некоторые другие,

¹ Уже Ашшурнасирапал имел дело с северной коалицией, см. ARAB, стр. 164—166.

² Интересна общность культа Сина Харранского для арамейских государств северной коалиции, ср. A. Dupont-Sommer, ук. соч., стр. 55; ARAB, стр. 42; П. К. Кокорцов, ук. соч., стр. 171—172. Показательна также популярность бога г. Тира, Мелькарта, в Дамаске, см. W. F. Albright, A Votive Stele dedicated by Ben-Hadad I of Damascus to the God Melcarth, BASOR, № 87 (1942), стр. 23—29; ср. G. Servi Della Wida, BASOR, № 90 (1943) и сообщения Библии о неоднократных попытках введения дамаских и тирских культов в Израиле.

³ Небезинтересно отметить зарегистрированную в надписи Киламувы вражду между Сам'алом и царем дануниитов, очевидно, Азитаваддой (И. Н. Винников, ук. соч., стр. 92); можно предположить, что основной причиной этой борьбы было стремление к обладанию железными рудниками Амана, расположенными на территории Куэ. Непосредственные столкновения между Сам'алом и дануниитами были невозможны без поглощения территории Куэ одной из сторон, скорее всего дануниитами (см. надпись Азитавадды, 19—21). В мирном договоре между Израилем и Дамаском одной из важнейших статей было утверждение традиционного права дамаских царей иметь «торговую площадь» в Самарии, а израильских царей — «торговую площадь» в Дамаске (I Reg., XX, 34).

⁴ E. Fohrer, Aramäer, RLA, I, B., 1928, стр. 131—139.

Типы вооружения, бытовавшего в Передней Азии в XIV — VII вв. до н. э. Шлемы: 1 — хеттский, Богазней, XIV в. до н. э.; 2 — северо-сирийский, Зенджирли (Сам'ал), IX — VIII вв. до н. э.; 3 — хеттский, Каркемиш, VIII в. до н. э.; 4 — урартский, IX в. до н. э.; 5 — Балаватские ворота; 6 — урартский, VIII — VII вв. до н. э., Кармир — Блур; 7 и 8 — ассирийские конца VIII — начала VII вв. до н. э. С изображений на рельефах. Вооружение воина: 9 — сиро-хеттский бог, Зенджирли (Сам'ал), IX в. до н. э.; 10 — хеттский воин, Каркемиш, VIII в. до н. э.; 11 — урартский воин IX в. до н. э., Балаватские ворота; 12 и 13 — ассирийские воины Салманасара III (IX в. до н. э.), Балаватские ворота. Щиты: 14 — поадне-хурритский щит, Тедль-Халаф (Гузана), XI — X вв. до н. э.; 15 — урартский щит IX в. до н. э.; 16, 17 и 18 — ассирийские щиты при Салманасаре III (IX в. до н. э.) № 18 — в профиль.

всего 10 царей, имена которых остались неизвестными из-за дефектности текста надписи¹. Только вмешательство ассирийского царя (походы Адад-нирари III в 805—802 гг.) позволили Закиру удержаться на престоле².

С начала VIII в. наступает период явного преобладания северного союза, в котором особенно усиливается роль Арпада. В этом отношении чрезвычайно показательны, что в договоре Мати'эля арпадского с ВРГУН, царем КТК, первый выступает от имени «всего Арама, верхнего и нижнего», т. е. также и от имени южносирийских государств³. Совершенно естественно поэтому, что, разбив Сардури, царя Урарту, и его союзников — прежде всего Арпад (Бит-Агуси), Гургум, Мелид, Куммух, — Тиглатпаласар III получает дань в Арпаде не только с Каркемиша, Гургума и т. д., но и с Дамаска, Тира, Симиры, Куэ⁴.

Все изложенное позволяет утверждать, что политическая жизнь Сирии X — VIII вв. до н. э. определялась существованием двух военно-политических союзов, сложившихся на основе общих интересов транзитной торговли вокруг основных торговых центров Сирии — Дамаска и Каркемиша. Эволюция взаимоотношений между союзами шла, вероятнее всего, по линии перехода преобладания от южного к северному союзу, объединившему в середине VIII в. под своей политической эгидой всю Сирию. Можно с уверенностью утверждать, что эти коалиции, возникшие в результате торгового расцвета городов Сирии, представляли собой не только следствие этого расцвета, но и фактор, в значительной степени ему содействовавший. Объединенные силы сирийских городов успешно сопротивлялись даже такому могущественному противнику, как Ассирия.

События, происходившие в IX—VIII вв. в странах северной Сирии, верхней Месопотамии и юго-восточной Малой Азии, нельзя оценить в должной мере без учета того влияния, которое оказало на историю переднеазиатских стран образование в начале IX в. Урартского (Ванского) царства. В настоящее время не приходится отрицать весьма значительную роль, которую сыграло в развитии урартской культуры, как материальной, так и духовной, тесное культурно-экономическое и политическое общение Урартского государства со странами Малой Азии, Сирии и Месопотамии. Однако в вопросе о направленности и исторической обусловленности культурно-экономических и политических связей Урарту в то или иное время достаточной ясности еще нет.

В связи с этим особый интерес представляют факты, позволяющие в какой-то мере наметить изменения в характере переднеазиатских связей Урарту: мы имеем в виду развитие комплекса урартского вооружения и типа архитектурных, прежде всего, военных и храмовых, сооружений в IX—VII вв.

Наиболее ранними памятниками урартского вооружения являются изображения урартских воинов середины IX в. на рельефах Балаватских ворот — художественной летописи походов Салманасара III (859—824 гг.), исполненной подчас чрезвычайно выразительно и детально⁵. Перед нами проходят сцены осад урартских крепостей, сражений в горных ущельях; разграбления областей и городов, увода пленных, и везде мы находим изображения «воинов Арама урартского», сражающихся с оружием в руках с ассирийцами, или уже побежденных, со связанными руками и ярмом

¹ M. Lidzbarski, ук. соч., III, 1, стр. 4—12.

² A. Dupont-Sommer, ук. соч., стр. 47.

³ Там же, стр. 58—61.

⁴ P. Rost, ук. соч., стр. 15—16.

⁵ Анализ рельефов дается по изданию L. W. King, Bronze Reliefs from the Gates of Salmanser III, L., 1915; Cp. A. Billerbeck und F. Delitzsch, Die Palasttore Salmansassars von Balawat, BA, VI (1908), 1.

шее. На всех изображениях перед нами выступает один и тот же комплекс урартского вооружения: характерный шлем-каска с высоким гребнем посредине, маленький круглый щит, рубаха, покрывающая тело до колен, перехваченная широким поясом, короткий меч за поясом слева, короткое копье-дротик с массивным треугольным или ромбовидным наконечником и лук, длиной примерно в половину человеческого роста (ук. изд., табл. IX—XI, XXXII и XLII). Лук встречается только при изображении урартских воинов на стенах крепости (ук. изд., табл. XLII). Никакого сходства в вооружении урартских и ассирийских воинов не наблюдается даже в мелочах — перед нами, несомненно, более архаичный и однообразный тип вооружения, нежели тактически дифференцированное, сложное и разнообразное оснащение ассирийской армии (ук. изд., табл. XXXII—XXXVII).

Проходит не больше ста лет, и облик урартского воина времен Сардури II резко приобретает совершенно другой характер; вооружение его имеет мало общего с вооружением воина Арама — все многочисленные урартские воины, изображенные на колчане и шлеме Сардури, одеты в характерные и для ассирийского войска бронзовые, высокие, конические шлемы — такие же точно шлемы, как тот, на котором они изображены; в руках они держат большие круглые щиты с выступающим вперед умбоном и длинные копья с листовидными наконечниками¹. Колесницы, на которых они стоят, система упряжи и даже форма удил, найденных на Кармир-блуре, совершенно тождественны ассирийским². Колчаны ассирийского типа, датированные серединой VIII в., найденные при раскопках Кармир-блур, характерная форма боевого штандарта ассирийского типа еще более усиливают близость ассирийского и урартского вооружения VIII в.³ С изображением урартских воинов перекликаются и найденные на Кармир-блуре предметы вооружения VII—VI вв.⁴ Пожалуй, только некоторые мечи сохранили характерную форму, зарегистрированную еще рельефами Балаватских ворот, но и эта форма не исключительно урартская.

Возвращаясь опять к IX в., ближайшие аналогии урартскому вооружению мы находим в вооружении воинов поздне-хеттских государств северной Сирии и Малой Азии. Поразительное сходство ранне-урартского гребенчатого шлема со шлемом из Каркемиша отметил еще Бонне⁵; можно указать и на сходство их со шлемами сиро-хеттских воинов и богов на стенах из Зенджирли⁶. Пожалуй, ближайшей и в то же время достаточно удаленной аналогией этим хетто-урартским шлемам является микенский и, позднее, греческий шлем-каска — аналогия, не более ясная, чем ранне-эллистические аналогии Мусасирскому храму. Короткий железный меч из Зенджирли можно сопоставить с урартским мечом из Кармир-блур того типа, который отмечен также Балаватскими рельефами⁷. Да и весь облик каркемишского или зенджирлийского воина мало чем отличается от облика урартского воина ранней эпохи⁸.

Обратившись к памятникам архитектуры, мы можем проследить аналогичный по времени и результатам процесс. Изображения урартских

¹ Ср. с найденными на Кармир-блуре щитами и наконечниками копий — Б. Б. Piotrovskiy, Кармир-блур, I, Ереван, 1950, стр. 62, рис. 39; стр. 41, рис. 21.

² Б. Б. Piotrovskiy, ук. соч., стр. 66.

³ Б. Б. Piotrovskiy, ук. соч., стр. 67.

⁴ Б. Б. Piotrovskiy, ук. соч., стр. 38—40, 56, 60.

⁵ Н. V on n e t, Die Waffen der Völker des Alten Orients, Lpz, 1926, стр. 205 сл.

⁶ Например, Н. V on n e t, ук. соч., стр. 81.

⁷ Н. V on n e t, ук. соч., стр. 81—82, рис. 30.

⁸ Ср. G. C o n t e n a u, Manuel..., т. III, стр. 1139, рис. 752. Сходна и обувь хеттов и урартийцев (сапог с крутозагнутым носком) — ср. Г. Ч и т а я, Этнографические параллели, «Сообщения Груз. ФАН СССР», т. I, 1940, № 4, стр. 315—316.

и малоазийско-сирийских крепостей на Балаватских рельефах совершенно тождественны между собой и далеко не тождественны изображениям вавилонских крепостей на тех же рельефах¹.

Как указывал уже Леманн-Хаупт², все ранние традиции урартской архитектуры целиком связаны с малоазийско-сирийской архитектурой и весьма далеки от ассирийских памятников того периода, в то время как для VIII—VII вв. можно констатировать значительную близость урартских и ассирийских архитектурных сооружений³.

Мы оставляем в стороне влияние ассирийского искусства на урартское, датируемое серединой VIII—VII в. ⁴, так как памятники ранне-урартского искусства нам неизвестны.

В вопросе о путях ассирийских влияний на урартскую культуру привлекает внимание роль Мусасира, который в IX—VIII вв. был самостоятельным, «нейтральным» царством и поддерживал хорошие отношения как с Ассирией, так и с Урарту⁵. Некоторое изменение в политике его правителей во времена Саргона II привело, как известно, к весьма трагическим для Мусасира последствиям. Ассирийское влияние в Мусасире проявляется значительно раньше и в значительно большей степени, нежели в Урарту, сказавшись прежде всего в принятии ассирийской клинописи за основную систему письма, а также в ряде других фактов, убедительно интерпретированных Г. А. Меликишвили⁶. Весьма вероятно, что при огромном значении Мусасира, как центра культа верховного урартского божества Халди, в культурно-идеологической жизни Урарту основные достижения ассирийской культуры, в частности письменность, проникли в Урарту именно через Мусасир, лежавший на одном из основных путей из Месопотамии в Урарту⁷.

При учете всего сказанного возникает вопрос: каковы были реальные основы и формы культурного взаимодействия Урарту со странами позднехеттского круга и Ассирией? Следует отметить возможное генетическое родство хуррийского населения малоазийско-сирийских городов с урартскими племенами и тот факт, что долина Евфрата, ведущая в Сирию и прорывающая гряды Армянского Тавра, была наиболее удобным путем связи Армянского нагорья с Передней Азией. Но этих обстоятельств недостаточно для того, чтобы объяснить близость двух культурных комплексов вне регулярных и главным образом торговых связей, повлекших за собой родственные явления в позднехеттской культуре, в том числе в ремесле и строительстве, и в формирующейся культуре молодого Урартского государства. Богатейшие и рано начавшие разрабатываться железные рудники Армянского нагорья⁸ не могли не привлечь внимания малоазийско-сирийских городов⁹. Во всяком случае нам кажется, что было бы ошибкой недоучитывать фактор транзитной торговли, главным образом железом, в по-

¹ L. W. King, ук. соч., табл. XXXII, XXXIII, XLVI, LXIII, LXII.

² С. F. Lehmann-Haupt, *Armenien einst und jetzt*, т. I, В., 1910, стр. 477—478.

³ Б. Б. Пиотровский, *Кармир-блур*, I, стр. 45.

⁴ Ср. Б. Б. Пиотровский, *Урартские бронзовые статуэтки собрания Эрмитажа*, ТОВЭ, т. I, стр. 60.

⁵ Г. А. Меликишвили, *Мусасир и вопрос о древнейшем очаге урартских племен*, ВДИ, 1948, № 2, стр. 37 и 48.

⁶ Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 40.

⁷ Аналогичной, вероятно, была роль Хубушки-Напри, другого «нейтрального» буферного государства между Урарту и Ассирией, также расположенного на одном из путей из Месопотамии на Армянское нагорье.

⁸ Б. Б. Пиотровский, *История и культура Урарту*, Ереван, 1944, стр. 218.

⁹ На это указывает также, возможно, и широкий ареал распространения урартских железных вещей, см. F. Schachermeyer, *Tuschpa*, RLV, XIII (1929).

обычайно быстром росте благосостояния и могущества Урартского государства, т. е. его царя и аристократии; в этом свете нам не представляется странным ни синхронность расцвета Урартского государства с расцветом малоазийско-сирийских городов и началом железного века в Передней Азии, ни характер тех политических событий, которые будут разобраны ниже. Достойным соперником Ассирии и могущественной державой Передней Азии Урарту могло стать, лишь активно включившись в транзитную торговлю через северо-сирийские города¹.

Для раннего периода истории Урартского государства (IX— первая половина VIII вв.) характерна его тесная культурно-экономическая связь с малоазийско-сирийскими торговыми городами. С середины VIII в. в Урарту резко возрастает влияние ассирийской культуры.

На вопрос о том, какие именно факторы повлияли на рост влияния ассирийской культуры в Урарту и означало ли это влияние разрыв с малоазийско-сирийскими традициями, можно ответить лишь при анализе политической истории этого времени.

Сведения о походах ассирийских царей в страны Армянского нагорья содержатся в клинописных источниках с XIII по VII в. до н. э. Вряд ли, однако, возможно одинаково оценивать историческую подоплеку и политическое содержание всех ассиро-урартских столкновений за указанный период. До времени Салманасара III (859—824) спорадичность и немногочисленность ассирийских военных экспедиций севернее среднего течения Евфрата и Мальтайского прохода² позволяет охарактеризовать их как случайные грабительские набеги, преследовавшие главным образом цель угона скота³. С середины IX в. положение существенно изменяется: военные действия ассирийских царей в указанном районе на протяжении около полутора столетий приобретают почти регулярный характер. Два новых фактора изменили сущность этих войн. К середине IX в. происходит окончательное переформление союза «Стран Наири» в мощное Урартское государство⁴, и на IX—VIII вв. приходится период наибольшего экономического и политического расцвета северо-сирийских городов.

Существование прямой зависимости между тремя хронологически совпадающими явлениями: эпохой образования Ванского царства, началом регулярных походов Ассирии в Урарту и периодом расцвета северо-сирийских городов, представляется несомненным и позволяет выявить внутреннее содержание ассиро-урартских противоречий в IX—VIII вв. до н. э. Очевидно, объяснить регулярный характер ассиро-урартских войн в IX в. одним лишь стремлением ассирийских царей к грабежу и захвату новых территорий⁵ не удастся, тем более что попытки закрепить за собой резуль-

¹ Весьма вероятно аналогичная сирийским государствам роль Мусасира и Хубушки. Через Мусасир проходил торговый путь, соединявший Ассирию с прикаспийскими областями и, вероятно, со Средней Азией, см. Г М а с д е р о, Древняя история народов Востока, М., 1911, стр. 400—401. Ср. наличие ляпис-лазули и сердолика в списке добычи, вывезенной Саргоном II из Мусасира; см. F. T h u r g e a u - D a n g i n, Une relation de la 8-me campagne de Sargon, II, P., 1912, стк. 352. Путь из Ассирии в Урарту через Хубушкию мог быть использован благодаря наличию перевала. «Нейтральное» положение Мусасира и Хубушки в ходе ассиро-урартской борьбы, аналогичное, очевидно, положению сиро-малоазийских государств, позволяет предположить, что эти районы представляли собой второй, восточный путь для связей Урарту с переднеазиатским миром, роль которого возросла с момента захвата Ассирией сирийских областей и уничтожения их «нейтрального» положения.

² О роли Мальтайского прохода см. RLV, VII, S. V. «Maltaj»; F. M. B ö h l u. E. F. W e i d n e r, Die Lücke in der Reliefgruppe III von Maltaj, AfO, XIII, 3 (1939), стр. 128 сл.

³ Б. Б. П и о т р о в с к и й, История и культура Урарту, Ереван, 1944, стр. 41.

⁴ Б. Б. П и о т р о в с к и й, ук. соч., стр. 51.

⁵ В. В. С т р у в е, История древнего Востока, стр. 310.

таты этих походов были мало удачны для ассирийцев. Трудно объяснить также этот факт исключительно соображениями необходимости превентивных войн ассирийцев против «горных урартских племен»¹, угрожающих захватом территорий Ассирийского государства. До времени Аргишти (VIII в.) у нас нет данных о такой угрозе.

Ключом к ответу на вопрос об основных причинах полуторастолетней борьбы двух сильнейших государств Переднего Востока может послужить, как кажется, одна характерная особенность ассирийских походов в Урарту: в преобладающем большинстве случаев эти походы были связаны с войнами ассирийцев в северной Сирии и нередко непосредственно следовали за ними².

Учитывая значение северо-сирийских городов как для Ассирии, так и для Урарту, представляется возможным рассматривать регулярные походы ассирийских царей в Урарту в IX в. как начало борьбы Ассирии и Урарту за гегемонию в северной Сирии и юго-восточной Малой Азии. Борьбу Ассирии и Урарту за северную Сирию нельзя свести только к событиям VIII в., отраженным в письменных источниках³; та причина этой борьбы, на которую указывает Б. Б. Пиотровский⁴, безусловно верна для одного периода, но недостаточна для объяснения всего развития ассирурартских противоречий в северной Сирии, прошедшего несколько этапов.

Для того чтобы определить причины первого этапа борьбы Ассирии и Урарту за северную Сирию (IX в.), необходимо установить позиции обоих государств в начале этой борьбы. Первое сообщение о завоеваниях урартов в районе Мелила и Софены содержится в надписи из Палу Менуа, сына Ишпуини⁵, правившего около 810—779 гг. до н. э. Данные ассирийских источников опровергают всякое предположение о возможности появления урартов на территории юго-восточной Малой Азии и северной Сирии до времени правления Менуа, точнее даже до начала VIII в. до н. э. Надписи на стелах ассирийских наместников-эпонимов в Ашшуре⁶ позволяют проследить ход завоеваний Ассирии на западной границе Урарту, которые на время создали непреодолимый барьер для урартского продвижения в Малую Азию и северную Сирию.

Начало образованию ассирийских наместничеств на территории «стран Наири» положил Ашшурнасирапал⁷; число их продолжает расти при его преемниках. В 882 г. было образовано наместничество в Тушхане (совр. Карх на верхнем Тигре). В 856 г. Салманасар III создает наместничество в Амеде (совр. Диярбекр)⁸; эпоним 838 года, «великий кравчий» Салманасара III, Нинуртакибсиусур является уже наместником Амеда, Маллану, Алзи, Сухме и других областей «Стран Наири», расположенных по верхнему течению Евфрата. Стабильность ассирийской власти на захваченной территории вплоть до VIII в. до н. э. доказывает стела эпонима 799 г. Мардукшемани, бывшего наместником тех же областей, что и Нинуртакибсиусур. Только в VIII в. положение изменяется: стела эпонима 768 г. Аплайи, наместника одного только Амеда, убедительно свидетельствует,

¹ В. В. Струве, ук. соч., стр. 372.

² Это можно проследить по спискам эпонимов, см. RLA, II, стр. 428 сл. (годы 840—829, 776—775 и др.).

³ P. Rost, ук. соч., стр. 12—16, 44.

⁴ Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту, стр. 88, 70 и др.

⁵ A. Sayce, The Cuneiform Inscriptions of Van, JRAS, т. XIV (1882), стр. 558—560, № 33, стк. 7—11, 15—16.

⁶ W. Andrae, Die Stelenreihen in Assur, WDOG, №№ 24, 34, 39, 42, 43.

⁷ E. Fugger, Die Provinzeinteilung des assyrischen Reiches, L., 1920, стр. 27.

⁸ E. Fugger, ук. соч., стр. 29. Наместником Амеда назван также эпоним 851 г., см. W. Andrae, ук. соч., № 42 RLA, II, стр. 428 сл. Там же дальнейшие указания на эпонимов.

Ассирия теряет завоеванные области в «Странах Наири». Таким образом, проникновение урартов, согласно надписи из Палу Менуа, сына Ишпуни, на территорию юго-восточной Малой Азии стало возможным только после 799 г. до н. э.

Продвижение Ассирии в северную Сирию и юго-восточную Малую Азию началось задолго до появления урартов в этих районах и было связано со стремлением Ассирии поставить под свой контроль важнейшие пути транзитной торговли северо-сирийских городов с Севером и Югом. В 876 г. почти вся Месопотамия была под властью Ассирии; Ашшурнасирапал переходит Евфрат, принимает дань от членов северного союза сирийских городов, не оказавших ему сопротивления, и, пересекая Оронт, выходит на побережье. В 841 г. Салманасар III повторяет поход своего отца в Средиземному морю. Поддерживая военными походами ассирийскую власть в Сирии (борьба в 858—856 гг. с коалицией северо-сирийских городов, взятие Тиль-Барсиба, битва при Каркаре в 853 г. с «союзом двенадцати», походы 849—845 гг. и т. д.), Салманасар стремится в 80-х годах захватить в свои руки непосредственные источники добычи металлов; об этом свидетельствует покорение Куэ, взятие г. Тарса в Малой Азии, посещение парем, после покорения им Табала, копей и каменоломен в горах Тавра. Продвижение ассирийцев в Сирию и юго-восточную Малую Азию в IX в. означало для Урарту разрыв органических связей с сиро-хеттским миром, связей экономических, этнических и культурных. Выросшее на переднеазиатском субстрате¹, генетически связанное с Передней Азией именно через юго-восточную Малую Азию и северную Сирию, Урартское государство с момента своего образования повело решительную борьбу против продвижения в эти области Ассирии, которое перерезало для Урарту путь в переднеазиатский мир.

Средиземноморский рейд Ашшурнасирапала имел своим следствием поход его против племен гор северной Месопотамии и предгорий Армянского Тавра — в район Амеда (Диярбекра), а первый же год правления преемника Ашшурнасирапала Салманасара III ознаменовался походом в более северные области — Наири, Урарту и др., вплоть до озера Ван. После взятия в 856 г. Тиль-Барсиба на излучине Евфрата, столицы Бит-Адини, одного из членов северо-сирийского союза, Салманасар совершил глубокий рейд в Армению. Если 50—40-е годы IX в. заняты походами в Сирию, то в 831, 829—28 гг. туртан Салманасара III Дайан-Ашшур воюет уже против Урарту.

Такая последовательность ассирийских походов говорит о противодействии Урарту ассирийским завоеваниям на западе и северо-западе. Совершенно очевидно, что появление Менуа в начале VIII в. в Мелиде было результатом многолетней борьбы урартов за отвоевание занятых ассирийцами территорий в «Странах Наири»².

Начало VIII в. застаёт Ассирию в состоянии глубокого экономического и политического упадка и открывает новый этап в истории ассиро-урартских противоречий на западе — период гегемонии Урарту. В конце IX и начале VIII в. Ассирия даже не претендовала уже на господство западнее Евфрата. Ослабленная внутренними противоречиями³, выражением которых были гражданские войны 827—822, 772—758 и 746—745 гг., Ассирия теряет гегемонию на западе; успех Ададнирари III, взявшего в

¹ Б. Б. Пиотровский, О происхождении армянского народа, Ереван, 1946, стр. 7.

² Интересно в этом отношении упоминание страны Алзи в надписи Менуа, сына Ишпуни, см. А. А. Саусе, The Cuneiform Inscriptions of Van, JRAS, т. XIV (1882), ч. 3, стр. 555, № 32, стк. 7—8, и сведения о покорении им страны Дайаэни, А. Саусе, ук. соч., стр. 540, № 30, стк. 2.

³ Подробнее см. И. М. Дьяконов, РЗОА, стр. 84—89.

802 г. Дамаск и получившего дань с городов Сирии и Палестины, был временным. Скоро Ассирии пришлось столкнуться с наступлением Урарту.

Преемник Менуа, Аргишти (ок. 778—760), продолжает борьбу за расширение западных границ Урарту. Летопись Аргишти под третьим годом сообщает о походе его в страну Хате и долину Нириба и о подчинении им всего района Мелида до «Ka[mmanu]»¹. Страны Хате и Цупани упоминаются также в надписи Аргишти из Вана², сообщающей о переселении Аргишти «6600 воинов» этих стран в Закавказье, в город Эрбун³. Надпись Сардури, сына Аргишти⁴ (ок. 760—730 гг.), также говорит о завоевании урартским царем города Мелида и девяти крепостей в Софене⁵, а летопись этого царя сообщает о победе его над Кушташи, царем Кумуха⁶.

Завоевание малоазийских областей позволило бы урартским царям выйти непосредственно к сырьевой базе транзитной торговли северосирийских городов и представляло блестящую возможность соединить в своих руках оба основных центра добычи металлов, в частности железа, на Переднем Востоке. Монополия владения источниками сырья сделала бы Урарту гегемоном по отношению к богатым городам⁷ северной Сирии и поставила бы в зависимость от Урарту и ассирийскую державу.

Некоторые данные источников дают основание предположить, что Урарту стремилось закрыть для Ассирии путь торговли с Малой Азией. Интересно в этом отношении перегруппировка сил в составе северосирийского союза, отражающая гегемонию Урарту в северной Сирии. Если в период подъема Ассирии руководящую роль в северосирийском союзе играл Каркемиш — ключевой пункт евфратской торговли (т. е. торговли с Ассирией), — выступавший во главе «Страны Хатти», то с наступлением Урарту первое место в союзе северосирийских городов занимает не связанный с евфратским путем Арпад. Роль Арпада как объединителя всей Сирии в середине VIII в. уже отмечалась выше. С падением влияния Урарту в северной Сирии в 40—20-годах VIII в. политическая роль Каркемиша вновь значительно возросла. В эти годы каркемишские цари предпринимают ряд завоевательных походов в восточную Каппадокию — страну Пала (район течения р. Арацани) и некоторые другие области Малой Азии, локализация которых иногда затруднительна⁸.

Во всяком случае сам факт господства на территории северной Сирии враждебного Ассирии государства отрезал последней путь к малоазийским

¹ A. S a u s e, ук. соч., стр. 582 сл., XXXVIII, 12, 13, 16, 17; под «страной хетов (Хате), соседней с Мелидом» надо понимать Малую Азию, за Евфратом. Восстановление Ka[mmanu] принадлежит И. М. Дьяконову. «Долина Нириба» — в верховьях Евфрата, современное село Neğib, см. Г. А. К а п а н ц я н, Историко-лингвистическое значение топонимики древней Армении, Ереван, 1940, стр. 35.

² CISn № 11², А, 2 «Страна Цупант» — Софена античных авторов.

³ Археологические раскопки 1950 г. позволили локализовать город Эрбуни урартских надписей в районе древней крепости Аринберд (Ганли-тапа), на окраине Еревана, см. Б. Б. П и о т р о в с к и й, Кармир-блур, I, стр. 8.

⁴ A. S a u s e, ук. соч., 50, 14, 22.

⁵ См. Г. А. К а п а н ц я н, ук. соч., стр. 37—38.

⁶ Н. Я. М а р р и И. А. О р б е л и, Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван, II, 1922, стб. IV (E), стк. 36 сл.

⁷ Интересен тот факт, что урартские цари получали в качестве дани золото и серебро только в областях северной Сирии, юго-восточной Малой Азии и в Дайазии — «Летопись Сардури», там же. См. также надпись Менуа, сына Ишпуини, из Язылыташа, CISn, I, 1928, стр. 51.

⁸ В. Н r o z n ŷ, Inscriptions hittites hiéroglyphiques de Carchemish, Ar. Or., VI (1934), стр. 234—242. Ср. также В. Н r o z n ŷ, Sur l'inscription hittite hiéroglyphique de Carchemish I, Ar. Or., V (1933), стр. 114—117. Если правильно чтение Грозного, то интересно упоминание в тексте имени киммерийцев, указывающее на более раннее их проникновение в Каппадокию, чем это принято полагать. О локализации «страны Пала» (Палу) см. Г. А. К а п а н ц я н, ук. соч., стр. 66—68.

дникам; памятью о значении металла, в частности железа, для вооружения ассирийской армии, невозможно не учитывать этого обстоятельства при характеристике упадка Ассирии. Можно с уверенностью сказать, что борьба Ассирии за северосирийский торговый путь была борьбой за ее существование; подъем или окончательная гибель Ассирии зависели от результатов этой борьбы.

Напряженность политической обстановки в Передней Азии в начале III в. нашла отражение в событиях царствования Салманасара IV (781—772): 781, 780, 779, 778 и 776 гг. отмечены походами ассирийцев против Урарту; в 775 г. был совершен поход в «горы кедр» (Ливан или Аман), за которым последовало новое сражение с урартами в 774 г.¹ Надпись Шамшилу, туртана Салманасара IV, на статуях львов в Тиль-Барсисе² сообщает о «победе» его в 774 г.³ над Аргишти—урартом, «чье название страшно, как тяжелая буря». Судя по тону надписи⁴, ассирийцы фактически не имели успеха в этом сражении, и, возможно, именно о событиях 774 г. говорит летопись Аргишти, сообщающая под V годом о победе его над ассирийскими войсками⁵. Правление преемников Салманасара IV—Ашшурдана III (773—754) и Ашшурнирари IV (754—745) проходило в обстановке напряженной социальной борьбы внутри ассирийской державы⁶. Эти коренных преобразований во внутреннем управлении и организации страны, проведенных Тиглатпаласаром III (745—727), Ассирия не была в состоянии успешно разрешить насущный для нее вопрос восстановления торговли с Малой Азией.

О насущности этого вопроса говорит тот факт, что после установления в конце царствования Ашшурдана III относительного мира в стране⁷ в первый же год своего царствования Ашшурнирари IV выступил в поход на запад. Победа Ашшурнирари над Мати'элем арпадским в 754 г., ознаменованная заключением неравноправного договора, согласно которому Мати'эль обещал покорность и военную поддержку Ассирии⁸, была случайным и потому недолговечным успехом раздражаемой внутренними противоречиями Ассирии. Изменившаяся вскоре политическая обстановка позволила Мати'элю нарушить клятву, данную им Ашшурнирари.

Обломок стелы Сардури, сына Аргишти (760—730), найденный в церкви Сурб-Погок в Ване, сообщает о победе урартского царя над Ашшурнирари в покорении «Страны Арме»⁹. Можно предположить, что в результате именно этой победы Сардури произошло отмеченное выше распространение урартской власти на Куммух. Успехи Сардури в борьбе с Ассирией послужили причиной того, что Мати'эль, царь Арпада, поклявшийся верности Ассирии в 754 г., в 743 г. выступает верным союзником Урарту.

Положение сирийских государств в центре ассиро-урартских противоречий вынуждало их проводить политику противодействия наиболее опасному для их независимости и существования противнику. Таким про-

¹ Список эпонимов, гг. 776—774.

² F. Thureau-Dangin et M. Dunand, *Til Barsib*, P., 1936, стр. 141 сл.

³ Б. Б. Piotrovskij, *История и культура Урарту*, стр. 71, предполагает, что события, описанные Шамшилу, происходили в 780 г. Упоминание в надписи страны Намру позволило Н. М. Дьяконову сопоставить указанные события с отмеченным в списке эпонимов походом 774 г. против Урарту и Намру. См. список эпонимов, гг. 781—774.

⁴ См. особенно заключительную часть надписи.

⁵ Ср. Б. Б. Piotrovskij, *История и культура Урарту*, стр. 71.

⁶ См. список эпонимов, гг. 764—759, 753—750 и др.

⁷ Список эпонимов, г. 758.

⁸ E. F. Weidner, *Der Staatsvertrag Assurniraris IV von Assyrien mit Mati'elu von Bit-Agusi*, AfO, VIII (1932), стр. 17 сл.

⁹ Б. Б. Piotrovskij, *О происхождении армянского народа*, стр. 27, называет «страну Арме» в юго-западной части Урарту.

тивником являлась для них чаще всего Ассирия, политикой которой в значительной мере объясняется проурартская ориентация сирийских государств в VIII в. до н. э. Благодаря последнему обстоятельству, борьба Ассирии и Урарту за гегемонию в сиро-малоазийских областях приобретает в VIII в. особый характер: она становится борьбой Урарту и союза сиро-малоазийских государств против агрессии Ассирии.

Когда войска Сардури, сына Аргишти, одержавшего победу над Ашшурнирари, появляются в Куммухе, Мати'эль арпадский фактически нарушает договор с Ашшурнирари и заключает от имени всех сирийских государств новый договор с неким BRGYH, царем КТК¹. Интересно отметить полную стилистическую зависимость текста сафер-суджинской стелы, содержащей этот договор, от текста договора с Ашшурнирари². В надписи на этой стеле идет речь о заключении военного союза Арпада и всех арамейских государств Сирии с каким-то могущественным контрагентом, выступающим, судя по тону договора, не только как равная, но и как более сильная сторона. Последнее обстоятельство позволило Кантино³ предположить, что под обозначением «BRGYH, царь КТК» скрывается ассирийский царь. Несостоятельность этой гипотезы была вполне убедительно доказана рядом исследователей⁴. Предположение Дюпон-Зоммера о тождестве страны КТК с «Каску» ассирийских источников⁵ и локализации последней где-то между Гургумом, Мелидом и Табалом⁶ более вероятно как с точки зрения фонетической⁷, так и с историко-географической. Однако арамейские имена правителей этой страны говорят скорее за локализацию ее южнее Гургума и Мелида, может быть в верхнем течении р. Пирама. Существует также мнение относительно тождества «Каску» (каскайцев) с населением Камману, столицей которого в это время был Мелид⁸. Каску понимается в данном случае как этнический термин, а Камману — как территориальный⁹. Мелид в середине VIII в., несомненно, находился под урартским влиянием¹⁰ и участвовал вместе с Арпадом в войне Сардури урартского против Ассирии.

Однако где бы ни локализовалась страна Каску — КТК, остается совершенно непонятным взятый сам по себе факт выступления этой во всяком случае незначительной области в качестве могущественного контрагента всех арамейских государств в договоре, направленном против Ассирии. Найти объяснения этому обстоятельству помогают события 743 г., которые отвечают на вопрос, на чью помощь рассчитывал Мати'эль, отказываясь от союза с Ашшурнирари. В 743 г. сын и наследник последнего, Тиглатпаласар III, в битве при Арпаде разбил союзные армии Сардури урартского и Мати'эля арпадского, а также Сулумалю мелидского, Тархулары гургумского и Кушташи куммухского; указанные факты убеждают, что за BRGYH сафер-суджинской стелы стояла фигура его могущественного гегемона, от имени которого он действовал, — Сар-

¹ «Mélanges de l'Université Saint-Joseph», XV (1930—31), стр. 237—260.

² См. J. Cantinneau, Remarques sur la stèle araméenne de Sefir-Soudjin, RA, XXVIII (1931), стр. 167—178.

³ J. Cantinneau, ук. соч., стр. 177—178.

⁴ Например, см. A. Dupont-Somme, ук. соч., стр. 59.

⁵ См., например, надпись Тиглатпаласара III, где «Каска» упоминается рядом с Табалом, Мелидом, Гургумом и Сам'алом, P. Rost, ук. соч., стр. 26.

⁶ Dupont-Somme, ук. соч., стр. 59.

⁷ Арамейское t может передавать t, которое передается в ханаанейских языках (еврейском, финикийском) через s; ханаанейское же š закономерно передается в ассирийском через s.

⁸ См. текст Саргона II, приводимый ниже, на стр. 36.

⁹ E. Forger, Die Aramäer, RLA, стр. 136.

¹⁰ См. надпись Сардури II из Изоглу, C. F. Lehmann-Haupt, Armenien..., I, В., 1910, стр. 481.

дурри урартского. Почему Сардури отказался от непосредственного заключения договора с Арпадом? На этот вопрос можно ответить лишь весьма гипотетично: скорее всего, Сардури не хотел создавать прецедента нарушения мирных отношений с Ассирией, которые сохранялись после его победы в течение всего царствования Ашшурнирари, и воспользовался подставным лицом для заключения враждебного Ассирии договора, оставаясь, с дипломатической точки зрения, нейтральной стороной, так же как Мати'эль формально не нарушал договора с Ашшурнирари.

Итак, в середине VIII в. создается военный союз сиро-малоазийских стран и Урарту, направленный против Ассирии. Весьма вероятно, что этот союз был аналогичен по своему характеру союзу Урзаны мусасирского и Русы II, в основе которого также лежала прежде всего военная помощь Мусасира в борьбе Урарту против Ассирии.

Таким образом, второй этап борьбы Ассирии и Урарту за северную Сирию и юго-восточную Малую Азию падает на время глубокого экономического и политического упадка Ассирии и высшего расцвета Урарту. Ассирия теряет свои завоевания на западе и северо-западе, и гегемония в этих областях переходит в первой половине VIII в. к Урарту. Продвижение Урарту в области северной Сирии и юго-восточной Малой Азии, отрезавшее для Ассирии путь к малоазийским рудникам, а возможно, и сознательное стремление Урарту изолировать Ассирию от транзитной торговли Малой Азии и Сирии послужили причиной борьбы Ассирии и Урарту за эти области.

Третий и последний этап борьбы Ассирии и Урарту за гегемонию на западе начался в 743 г. до н. э. победой Тиглатпаласара III над союзом Урарту, Бит-Агуси (Арпад), Куммуха, Гургума и Мелида. Кроме военной добычи, захваченной у Сардури, Тиглатпаласар получил в Арпаде дань от правителей Дамаска, Куммуха, Тира, Куэ, Каркемеша, Гургума¹. Принесение дани в Арпаде Тиглатпаласару, после победы его над Сардури, государствами всей Сирии, Финикии и юго-восточной Малой Азии свидетельствует, что в середине VIII в. союзниками Урарту выступали далеко не одни только четыре упомянутых анналами государства северной Сирии и юго-восточной Малой Азии. Естественно поэтому, что такой союз не мог быть уничтожен в одном сражении. 742, 741 и 740 годы отмечены походами Тиглатпаласара против Арпада. В 738 г. был взят г. Куллани, возле Арпада, ставший, очевидно, после падения Арпада в 740 г. центром анти-ассирийского движения на западе. Сражение 735 г. в Куммухе (между областями Киштан и Хальпу)², в котором Тиглатпаласар снова одержал победу над союзом Сардури урартского, Сулумаля мелидского, Гархудары гургумского, Кушташи куммухского, решило исход борьбы. Тиглатпаласар проходит огнем и мечом всю территорию Урарту с запада на восток вплоть до Тушпы; но, несмотря на длительную осаду и кровопролитные сражения, Тушпы он взять не мог³. Часть урартской территории на юго-западе Тиглатпаласар превратил в ассирийские наместничества, создав, таким образом, барьер для урартского продвижения на юго-запад⁴.

Однако борьба за гегемонию на западе между Ассирией и Урарту еще продолжалась до 714 г. Кёлагранская надпись Русы, сына Сардури (около 730—714), дает основание предположить, что барьер, созданный Тиглатпаласаром, был весьма непрочен и урарты проникли в области Бит-

¹ P. Rost, ук. соч., стр. 14—16.

² Город Хальпу, резиденция царя Куммуха, упомянут и в летописи Сардури. О дате битвы см. Б. Б. П и о т р о в с к и й, История и культура Урарту, стр. 89.

³ P. Rost, ук. соч., стр. 52.

⁴ P. Rost, ук. соч., стр. 46.

Замани (Амед), Алзи и, возможно, в Гургум¹. С другой стороны, и сиромалоазийские государства продолжали до самого конца своего существования вести активную борьбу с ассирийскими завоевателями, опираясь после ослабления Урарту в конце VIII в., в особенности на Фригию. Борьба Миты, царя мушков (повидимому, Фригии) в союзе с Табалом и Каркемишем² против преемника Тиглатпаласара III, — Саргона II (722—705), проходила, как можно судить по некоторым данным, не без поддержки урартского царя. Победа Саргона над Митой и разгром им Урарту в 714 г. окончательно решили судьбу северной Сирии. Надпись Саргона II в XIV зале дворца в Дур-Шаррукине сообщает, что он «убил князей страны Хатти и городов Гармеиша (Каркемиша) и Куммуха. Гунзинану камманского переселил из Мелидду, [его] царского города, и во все эти страны поставил наместников... Лишил царской власти Тархулару маркасского (= гургумского) и обширную страну Гургум всю включил в границы Ассирии... переселил жителей страны Каску, Табалу, Хилакку... изгнал Миту, царя мушков...»³.

В конце VIII в. Саргон окончательно устанавливает гегемонию Ассирии на Западе, завершив покорение государств Сирии и юго-восточной Малой Азии и превращение их в провинции Ассирии, начатое еще Тиглатпаласаром⁴. Можно сказать с уверенностью, что после 714 г. о борьбе Урарту за гегемонию в северной Сирии не может быть и речи. Упомянутые надписью из Мазгердской крепости Русы, сына Аргишти (ок. 685—645), походы против хеттов (т. е. в области Малой Азии) и мушков, возможно, говорят о том, что западной границей Урарту в то время был Евфрат⁵, однако не дают никакого основания предположить борьбу Урарту за гегемонию в Сирии, при общем стремлении Русы к дружественным отношениям с Ашшурбаналом, царем Ассирии⁶. Завоевание «нейтральных» государств северной Сирии и юго-восточной Малой Азии в конце VIII в. Ассирией, превращение их в провинции ассирийской державы явились завершением борьбы Ассирии и Урарту за гегемонию в этих областях.

Внимание Урарту переносится в этот период на другие районы, в частности в Закавказье, где оно стремится возместить свои потери на Западе⁷.

¹ В. Б. Пиотровский, ук. соч., стр. 100—102.

² Выступление Каркемиша против Ассирии объясняется, очевидно, политикой Саргона II, стремившегося превратить мелкие государства северной Сирии в ассирийские провинции.

³ Н. Winkler, Die Keilschrifttexte Sargons, Lpz, 1889, стр. 80 сл. Интересно, что ассирийские цари вновь пытаются создать «клин» против урартского продвижения на запад, но уже не восточнее Евфрата, так как эту территорию теперь прочно удерживали урарты, а к западу от него. Но «клин» этот долго не удержался: уже сын Саргона Синаххериб потерял территорию Табала, не говоря о Камману и более северных областях. См. E. Fogger, Die Provinzeinteilung, стр. 81—82.

⁴ E. Fogger, ук. соч., стр. 56 сл.

⁵ В. Б. Пиотровский, ук. соч., стр. 134.

⁶ В. Б. Пиотровский, ук. соч., стр. 133. Надпись Русы II из Адельджаваза (см. Г. А. Меликишвили, «Сообщения АН Груз. ССР», т. XI, № 10, стр. 683—690) подтверждает предложенную точку зрения.

⁷ Это отразилось, в частности, на развитии металлургии железа в южном Закавказье в VII—VI вв. См. А. А. Мартиросян, Культура южного Закавказья в VII—VI вв. до н. э. по археологическим данным (автореферат кандидатской диссертации), Ереван, 1951.